

В. А. ЛИПАТОВ
(Екатеринбург)

ВНАЧАЛЕ БЫЛО... ФОТО

Рецензия на: Поэзия в казармах: Русский солдатский фольклор (из собрания «Боян» А. Бройдо, Дж. Кутьиной и Я. Бройдо / сост. и ред. М. Л. Лурье. — М.: ОГИ, 2008. — 562 с., 1 ил. — (Нация и культура / Фольклор: Новые материалы).

Известно, фольклор — искусство синтетическое. Помимо слова есть в нем и невыразимое, и непроизносимое, и, даже, непечатное. Поэтому искренне порадовался за ленинградских коллег, которым удалось напечатать «Поэзию в казармах», объемную книгу, которую не только интересно читать, но просто приятно подержать в руках, настолько хорошо она издана. А когда, прочитав поэтические тексты, добирался до комментариев, указателей и глоссариев, соглашаешься: это, бесспорно, *научный сборник* современного солдатского фольклора, причем, *первый*. То есть тем, кто пойдет по следам М. Лурье, А. и Я. Бройдо, Дж. Кутьиной уже будет на что опереться и, даже если в чем-то не согласишься, будет от чего оттолкнуться. Вот и я решил, пока не затоптали «дорожку», поделиться не только восторгами, но и сомнениями.

Конечно, подготовить к печати на высоком научном уровне такой объем материала требует немало времени. И хотя срок в пять-семь лет от стопки выбранных для публикации полевых записей до солидной книги в твердой обложке кому-то покажется и ничтожным, особенно в сравнении с трехвековым возрастом солдатского фольклора, перемен за это время в жизни армии произошло немало.

Во-первых, ровно наполовину сократился срок службы по призыву, и хотя в экспедиционных материалах пока все по-старому, изменения и в солдатском репертуаре, и в произведениях военного фольклора, уверен, вот-вот должны наступить. Во-вторых, за последние два десятилетия подросток и достигло призывного возраста первое «не поротое поколение» новобранцев, которое весь-ма болезненно реагирует на установив-

шиеся в последней трети XX в. армейские порядки, прежде всего, на пресловутую «дедовщину» или «неуставщину», как недавно поправили меня на одной из конференций полковники из Академии им. Петра Великого. Поэтому утверждение А. Бройдо о том, что «боле-вой точкой солдатской поэзии является переживание утраченной любви», мне представляется уже неактуальным. За эти годы «болевая точка» на теле солдата сместилась несколько вниз, что нашло отражение и в армейской поэзии тоже. По крайней мере, малостишия, посвященные армейскому быту или все той же проклятой «дедовщине», встречаются в солдатских записных книжках и «дембельских» блокнотах начала XXI в. ничуть не реже, чем стихи о любви к матери или изменившей подруге.

Впрочем, мои наблюдения о современных тенденциях в проблематике солдатского творчества уже завтра могут поменяться. «И это пройдет». А вот суждения авторов статей и комментариев книги о генезисе современных рукописных сборников солдатского фольклора у меня вызывают возражения. «Вполне естественно, — пишет во вступительных очерках А. Бройдо, — что рукописные альбомы девушек, заключенных и солдат являются, по сути, разновидностями одного явления» (с. 45). Ладно, влияние маргинальной поэзии я в какой-то мере готов признать. Во-первых, сам, когда служил, рядом стояли в строю ребята, до этого отсидевшие свой срок, но, правда, не по уголовным статьям, во-вторых, сама армия тоже бывает разная: есть Президентский полк, есть внутренние, строительные войска, а есть и дисциплинарные батальоны. И хотя в поэзии этих таких разных подразделений есть достаточная доля общего, но есть и отличия.

Однако «естественная» связь с девичьими альбомами — это большой вопрос. Приведенные А. Бойдо примеры единичны, а нужна уверенная закономерность. Предположение о том, что близкое знакомство многих юношей с артефактами прекрасного пола становится для молодых людей заразительным примером (с. 47), как-то не убеждает. Ведь не просто юноши, молодые поэты были знакомы с девичьими аль-

бомами, даже писали туда стихи, но сами подобных альбомов не имели. Ну ладно Александр Сергеевич...

«Мороз и солнце. День чудесный», —
    когда-то Пушкин написал...
Из этих строк понятно сразу:
    солдатской службы он не знал.

Но Михаил-то Юрьевич ведь наш человек, «Юнкерскую молитву», предтечу нынешнего жанра «солдатской молитвы», придумал, и ничего. Да и Денис Давыдов в армии служил, а «дембельского» альбома не имел.

Нет, создатели «Поэзии в погонах» предлагают нам тупиковый путь. Историю солдатских артефактов, образцы которых представлены в книге, нужно искать в самой военной субкультуре нового времени. Но для этого, прежде всего, нужно отказаться от противопоставления «дембельских» альбомов с фотографиями «дембельским» блокнотам с текстами и рисунками (с. 158). Путаницы здесь нет никакой, а есть выстроенная во времени парадигма превращения ощущения в понимание и поэтический текст.

Да, конечно, фольклор — это искусство слова, а письменная форма бытования поэтического слова открывает нам новые горизонты передачи информации. И никакой это не Art Brut, а вполне логичное развитие солдатского фольклора на современном этапе. Но сначала договоримся о терминах. И «альбом», и «блокнот» я позаимствовал не из «научной традиции» (благо, она еще не устоялась), а из самих поэтических текстов солдат срочной службы:

Открой *блокнот*, мой друг
    или подруга,
И пробегись глазами по строкам...

Читай *блокнот*, мой друг или подруга,
Он всё расскажет про меня...

В этом *блокноте* стихи не мои,
В этом *блокноте* стихи всей братвы.
В этом *блокноте* мысли, мечты
Солдат и сержантов нашей страны...

Информация, как известно, может быть передана фонетическим письмом, но можно ее передать и письмом *идеоматическим*. А оно, в свою очередь, восходит к хорошо знакомой нам с детства

пиктографии. Пиктографии исторически предшествует *предметное* письмо, которое, как и все предыдущие формы закрепления текста, не утратило своего значения и в наши дни. Мы ведь дарим своим близким подарки со значением: шерстяные рукавички от матери — напоминание о тепле родительского дома или вышитый кисет от девушки, чтобы всякий раз, доставая его, мужчина вспоминал о любимой.

Вот и в нашем случае подарком с неосознаваемым значением стали многочисленные фотографии сослуживцев в «дембельских» альбомах наших информантов, едва ли не «целые роты» фотографий, сделанные любителями и профессионалами, «шесть на девять» и совсем маленькие, «для документа». Не может быть у человека столько близких друзей. Сердце не выдержит. Значит, в этом скрыт какой-то иной смысл, и искать этот смысл надо в *задаче*, которую выполняет армия в отношении призванных в нее молодых людей. Она двуедина: во-первых, дать юноше военную специальность, а во-вторых, воспитать из него настоящего солдата. Без успешного решения первой задачи молодой человек не боевая единица, а всего лишь «пушечное мясо», не более, а вот без второй уже армия не «высоко организованная искусственная масса», как называл ее в своих работах создатель психоанализа, а неуправляемая толпа, в любой момент готовая поддаться панике.

Успешнее всего обе задачи решаются в боевой обстановке. Если у новобранца до армии был опыт жизни в коллективе, то переход в коллектив воинский пройдет безболезненно. Помните: «Парня встретила *дружная фронтовая семья*, // Всюду были товарищи, всюду были друзья...» (М. Исаковский. «Огонек»), или «Второй стрелковый храбрый взвод теперь *моя семья*...» (Е. Долматовский, «Моя любимая») и т. д. Но вот уже в солдатском фольклоре 1990-х мы читаем:

Мне казарма мать родная?
Старшина отец родной!?
Для чего семья такая,
Лучше буду *сиротой*...

В этой переделке известной частушки времен пресловутой «перестройки» 135

слышен голос не «заединщика», а индивидуалиста, человека, ощутившего свою самоценность, может быть, даже несколько завышенную. Это естественный закономерный процесс, который К. Юнг называл *индивидуацией*. У горожан он проходит бурно и потому болезненно, у селян заметно медленнее, малые народы, живущие в привычной для себя этнической среде, вообще могут в него еще не вступить, но ясно одно: его не избежать никому.

Между тем для нашей армии это исторически закономерное явление будто бы и не существует: здесь по-прежнему царит обезличивание, погоня за количеством, а не за качеством, видимо, в надежде, что призывников «русские бабы еще нарожают», а военные психологи за разработку модели современно-военнослужащего и новые методики воспитания личного состава, похоже, и не принимались.

Скажу больше, в конце 1960-х в связи с тем, что на смену малочисленным солдатам-«срочникам», родившимся в годы Великой Отечественной, пришло многочисленное послевоенное пополнение, которое наша армия просто была не в силах «переварить», на самом веру было принято простое и «гуманное» решение, которое, тем не менее, раскололо молодежь и заметно осложнило условия традиционной подготовки солдат срочной службы. Срок ее был сокращен в полтора раза, на год снижен призывной возраст, введены многочисленный отсрочки и освобождения от призыва. С этого момента, а не с гипотетического знакомства призывников с «девичьими альбомами», надо вести отсчет и истории молодежных солдатских сборников¹.

О том, что про массовые поэтические альбомы слыхом не слыхали в годы Отечественной войны, пишут сами авторы сборника (с. 28). То же мог бы подтвердить и мой отец, призванный на фронт с Уралмашзавода, где считался классным инженером, и я, которого призвали в армию в середине 1960-х

¹ Вот здесь, чтобы внести ясность, замечу: сугубо фольклорные коллекции отдельных любителей солдатской поэзии, которые они составляли между боями и в гражданскую, и в Великую Отечественную войну, к нашему разговору не относятся.

со 2-го курса филфака. Следовательно, утверждение, будто отсутствие подобных артефактов «было вызвано низкой грамотностью солдат», критики не выдерживает. Воевавшим отцам и нам, родившимся в войну, заниматься этим было просто некогда, да и нужды особой тоже не было. Обиженным судьбой никто себя не чувствовал, потому что призывали буквально всех годных к службе.

Ситуация резко изменилась в 1970-е. «Было у старика три сына: двое умных, а третий... в армию пошел». А пошел потому, что дурак: в вуз не поступил, на работу, где дают освобождение от службы, тоже не смог устроиться. Но чувствовать себя обездоленным, согласитесь, ощущение не из приятных. Поэтому включился механизм «вытеснения и замещения», прекрасно описанный З. Фрейдом, в результате которого армия-«наказание» превратилась в армию-«удачу», инвариант древнего обряда инициации, а «дембельский» альбом стал документом, бесспорно, подтверждающим, что превращение юноши в мужчину успешно состоялось:

Запомни истину одну

(по ней слагаются былины):

Уходят в армию юнцы,

а возвращаются мужчины.

Эти строчки появятся в «дембельских» блокнотах спустя годы, когда рожденное в подсознании предположение превратится в полноценный поэтический текст, а пока один из первых листов альбома украшает парадный портрет владельца, а рядом иногда помещают текст воинской присяги в знак того, что помимо мужского он выполнил и свой конституционный долг.

Знаменательно, что со временем обязательным для «дембельских» альбомов стало помещенное на первой и последней страницах «обрамление» из портрета Министра обороны и текстов двух приказов о призыве и увольнении в запас. И опять на память приходят созданные позднее и ставшие популярными строки:

Служба — два мгновения: призыв и увольнение.

Все остальное мрак: кто, с кем, откуда, где и как?

Вот этот существующий и поныне *мрак* неведения и должны хотя бы частично рассеять помещенные в альбом *предметы*: оригинал повестки, почтовые грамоты, благодарственное письмо, фото с оружием у развернутого знамени части, рекомендованное уставом в качестве поощрения за отличную службу, коллективные фотографии с конференций, слетов, фото рядом с боевой техникой или аппаратурой — все это должно подтвердить, что из армии вернулся образцовый солдат и классный специалист. Таким образом реализовала себя первая часть обозначенной выше двуединой задачи. Что до воспитательной составляющей, то успешность решения этой части программы как раз и подтверждает галерея фотопортретов сослуживцев.

Ведь фотография — предмет особого рода. Точно передавая наши черты, она как бы заключает в себе частичку нашей сущности. Но часть в народном бессознательном может заменять целое, не случайно во многих культурах не рекомендуется дарить малознакомым людям свои фотографии во избежание порчи. А здесь такое доверие. Но безграничное доверие к товарищам и командирам, с одной стороны, и самоотверженность, с другой, — важнейшие составляющие в программе воспитания военнослужащих любого возраста, звания и должности. Значит, владелец в полной мере отвечает этим требованиям. И опять, практически для каждого фотосюжета со временем появится адекватный поэтический текст, который разойдется по тысячам солдатских записных книжек и «дембельских» блокнотов:

На память я тебе дарю
Фотографию свою,
И пусть не я, а тень моя
Хранится дома у тебя.

Или вот на фотографии девочка-подросток в накинутом на плечики кителе старшего брата. Подобный жест хорошо известен в нашей культуре, он означает покровительство, защиту со стороны мужчины:

Гуляй, сестренка, спи спокойно,
Ведь где-то, стиснув автомат,
Тебя надежно охраняет
В зеленой форме старший брат...

Только размер статьи не позволяет мне путем подобных параллелей доказать, что в «дембельском» альбоме перед нами не случайный набор фотографий и документов, а текст, текст, составленный *предметным письмом*, известным еще в незапамятные времена бесписьменной, а в нашем случае пока еще «бессловесной» солдатской субкультуре. Впрочем, комментарий владельца к фотографиям и предметам, а позже и подписи, в том числе и поэтические, компенсируют один из важнейших недостатков предметного письма — малую информативность.

То, что предметное письмо сохраняет свое значение и в современной военной культуре — факт бесспорный. Вспомните хронику военных лет: снаряды с надписями «За Москву!», «За Киев!», «На Берлин!» и т. д. — материализация популярного мотива солдатских песен «русский любит угощать» (разумеется, врага). Есть указание на предметные тексты и в современной солдатской лирике. Так в балладе «Копейка», варианты которой трижды цитируются в рецензируемом сборнике (с. 138, 293, 339), солдат посылает изменившей ему подруге ржавую монетку и отпечатанный на бумаге след солдатского сапога с комментариями, то есть соблюдает все, что и положено делать с предметным текстом.

Но прежде чем скупой на информацию предметный текст «дембельских» альбомов где-то в начале 1990-х гг. будет практически вытеснен вербальным текстом «дембельских» блокнотов, в военной субкультуре 1980-х появятся сюжетные *пиктографические* циклы на армейские темы. Они будут выполнены на кальке и вклеены между листами традиционных «дембельских» альбомов. От предметного письма письмо пиктографическое отличается и большей степенью обобщения, и образностью, и информативностью. Кроме того, в отличие от любительских фотографий, в рисунках, как правило, чувствуется отношение художника к предмету изображения: юмор, ирония, а то и сарказм. Вот великовозрастный «дитятя» с удивлением разглядывает повестку в армию, а здесь демобилизовавшийся моряк выпятил грудь, украшенную многочисленными воинскими значками, перед

таким же демобилизованным солдатом: мол, «сапоги нам не враги, но сапоги есть сапоги».

Героями юмористических и сатирических рисунков могут стать и условные персонажи. Чаще всего это герои популярного мультфильма «Ну, погоди!», причем, Заяц чаще всего выступает в роли старшего. Вот он заставляет обритого наголо Волка тянуть носок на строевых занятиях, а здесь по истечении первого полугодия совершает над Волком обряд инициации: лупит его солдатским ремнем по ягодицам.

Последний рисунок, во-первых, информирует нас, что «дедовщина» к моменту создания этого цикла вполне сложилась, а во-вторых, объясняет причину необыкновенной живучести этой *варварской* по сути своей неуставной системы. Ведь за три десятилетия своей истории «дедовщина» не только вынужденно подменила оказавшуюся в кризисе официальную систему воспитания военнослужащих, но стала преградой на пути самой настоящей *дикости*, когда каждый новый эшелон новобранцев, особенно с укорененным чувством родоплеменной общности, старался бы захватить лидерство в казарме, не ограничивая себя никакими уставными правилами и армейскими традициями.

Именно поэтому слабый Заяц, чувствуя за собой силу армейского коллектива, может без боязни не только совершать переходный обряд, но и командовать физически сильным Волком, а тот будет вынужден беспрекословно подчиниться. Так в «молодых» воспитывается уважение к фундаментальному принципу армейской этики: приказ командира — закон для подчиненного.

В 1990-е гг., судя по всему, крупноформатные роскошные «дембельские» альбомы довольно быстро сменили более скромные, но тоже не лишённые эстетической привлекательности «дембельские» блокноты. Причин, как всегда, много. Назову те, что наиболее очевидны. Репертуар нового солдатского фольклора достиг критической массы, когда необходимы были качественные изменения в бытовании. В обиход вошли жанры — акrostихи, псевдоаббревиатуры и т. д., — которые могли быто-

вать лишь письменно и раньше имели весьма узкое хождение².

Кроме того, политические и экономические реформы Горбачева — Ельцина разорили большинство россиян, а военнослужащих, особенно срочной службы, вообще сделали нищими. На бархат и позументы просто не стало денег. Бездари опустили бы руки, но талантливая армейская молодежь, как всегда, нашла решение: на смену бессодержательной роскоши пришла содержательная поэзия.

По-видимому, к какой-то критической точке приблизился конфликт между «хорошо организованной искусственной массой» армии и упорно продолжающими идти по пути индивидуации новобранцами. Пока верх одерживает армейский коллектив. Личность либо ломается, либо притворяется, «надевает личину»:

Здесь могут нас назвать «собакой»,
Отнять достоинство и честь,
А ты их всех пошлешь подальше,
(адаптировано)
Но по уставу скажешь: «Есть!»

Что будет дальше, Бог весть, однако, армейская масса, стараясь растворить в себе личность, одновременно насыщается и обогащается ее интеллектом. Открытие одного становится достоянием многих, кем-то сочиненный поэтический текст растекается по тысячам блокнотов, теряя при этом авторство и превращаясь во множество вариантов, версий и редакций. И если далекие первооткрыватели письменной культуры на путь от предмета к поэтическому слову потратили тысячелетия, то у героев нашего исследования от остановленного фотокамерой мгновения армейской жизни до многогранного отражения этой жизни в поэтических миниатюрах ушло менее полувека. Тем не менее, поэтический онтогенез пусть конспективно, но повторил исторический филогенез. Вот такая вот парадигма.

² Знаменательно, что и для А. Бройдо, и для меня весь репертуар существовавших до сего времени *псевдоаббревиатур* ограничился лишь одной: ДУНЯ (Дураков У нас Нет...). Похоже, что ничего другого не только детский фольклор, но и вся наша предыдущая народная культура не придумала.